

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

М. А. Лукацкий,
член-корреспондент РАО,
доктор педагогических наук,
профессор

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

За тысячелетия своего существования человечество накопило колоссальный опыт жизнеустройства, который дает возможность людям создавать мир культуры и жить в нем. Не освоив этого опыта, ребенок не станет полноценным членом человеческого сообщества, не впишется в универсум человеческой культуры, не обретет тех качеств, которые только и позволяют говорить о человеке как об особом роде сущего, как о носителе собственно человеческого начала. Освоить же этот опыт без помощи Другого — уже укорененного в мире культуры, ребенок не в состоянии.

Тайна рождения собственно человеческого в человеке есть во многом тайна педагогическая. Передача опыта жизнеустройства от человека к человеку, совершаемая под руководством Педагога, выводит ребенка из состояния одномерного физического бытия в состояние двумерного бытия, в контексте которого он становится не просто физически существующим, а действующим в соответствии со своими целями, мотивами, культурными установками, правовыми и нравственными императивами. Решением задачи возвеличивания в человеке культурного начала и занимается образование, главными фигурами которого являются Педагог и ребенок, которому знающий и мудрый наставник-воспитатель открывает дверь в мир культуры — особый мир, живущий по человеческим законам, наделяющий смыслами и значениями жизнь каждого в нем пребывающего.

Педагогика — динамично развивающаяся наука. Сегодня эта научная дисциплина представлена множеством учений, школ, течений и направлений, корни которых уходят в историю философии

ской, научно-педагогической мысли. Без обращения к истории невозможно разобраться и понять «устройство» науки, открывающей тайны приобщения человека к сокровищнице знаний и опыта, накопленного людьми в течение многих столетий.

Отечественная педагогическая мысль середины XIX — начала XXI века внесла существенный вклад в мировую копилку педагогических знаний. Центрированность на вопросах воспитания, нравственного возвышения учащегося определила своеобразие и направленность педагогического мышления в России в тот исторический период.

Одну из ветвей отечественной педагогики, базировавшейся на религиозно-философских основаниях, представлял Лев Николаевич Толстой (1828—1910). О его педагогических воззрениях написано немало. Но, к великому сожалению, многие стороны его педагогического учения продолжают оставаться малоизвестными, малоизученными и малоосвещенными. Причин, по которым ряд значимых аспектов педагогических взглядов Л. Н. Толстого не оказался в фокусе непредвзятого исследовательского внимания, немало. Одна из основных — более чем 70-летний период их рассмотрения отечественной педагогикой исключительно под идеологическим углом зрения, заданным ленинским пониманием творчества Толстого. Еще одной причиной является то, что педагогические труды Толстого издавались малыми тиражами и по существу сразу же становились библиографической редкостью.

Идейным стержнем этих трудов является оригинальное мировоззрение Л. Н. Толстого. Без обращения к мировоззрению Толстого ряд важных теоретических положений и выводов его педагогических взглядов могут оказаться не до конца понятными.

Л. Н. Толстой — автор большого числа религиозно-философских трудов и публицистических сочинений. Основное место в них занимают рассуждения о человеке, смысле его бытия, истинной и возвышающей человека нравственно линии жизни, о свободе и творческих силах, позволяющих преображать мир, в котором он пребывает, и о ловушках, соблазнах, подстерегающих его на этом пути. Размышления Толстого над этими «вечными» темами своеобразны и чрезвычайно глубоки. Будучи высказанными, они сразу же привлекли к себе самое пристальное внимание и стали предметом широкого обсуждения. Начавшееся еще при жизни Толстого обсуждение его религиозно-философских взглядов продолжилось и после кончины нашего великого соотечественника. Сегодня, спустя столетие со дня смерти Толстого, его мысли о человеке, его нравственной миссии, способности ис-

коренять в себе зло и ненависть, вносить в жизнь мира добро и согласие, приковывают к себе ничуть не меньшее, чем раннее, а скорее, большее, внимание.

Отчетливо понимая ведущую роль образования в жизни людей, Толстой особое внимание на протяжении всей своей творческой жизни уделял вопросам педагогическим, рассматривая их как главенствующие, без реализации которых не может состояться совместная жизнь людей, основанная на нравственных началах. Л. Н. Толстым был предложен самобытный вариант решения ряда многосложных педагогических проблем, который, к большому сожалению, до сегодняшнего дня остается до конца не осмысленным и далеко не в полной мере учтенным современным образованием. Журнал, который держит в руках уважаемый читатель, осуществляет попытку привлечения внимания работников образования, ученых, педагогической общественности к наследию Толстого, открывающему собой горизонты нравственного обновления образования, устремившись к которым оно становится способным не только достойно отвечать на вызовы времени, но и с уверенностью смотреть в завтрашний день.

Раскрытию тайны рождения человеческого в человеке Л. Н. Толстой посвятил всю свою жизнь. Бьется над ней и современная педагогическая мысль. Но учитывает ли она педагогические заветы Льва Толстого? Для получения ответа на этот вопрос необходимо сопоставить педагогическое кредо Толстого и идейные установки современной педагогики, распадающейся на многочисленные учения, школы, течения и направления.

Несколько слов о педагогическом кредо Л. Н. Толстого. Как известно, Толстой придерживался дуалистического взгляда на человека. Согласно его пониманию, человек — это органический синтез двух начал: телесного, вещественного начала и духовного, нематериального, по терминологии Толстого, — «невидимого» начала, которое составляет истинное «Я» каждого человека. Это невидимое начало, часто называемое душой, — частица Вселенской жизни и основа человеческого бытия. Души людей единосущны, они влекутся, притягиваются друг к другу. И потому любовь, доброта — это естественное проявление человеческого стремления к единению с другими. Универсальный для всех людей смысл жизни — участие в деле освещения Любовью и Добром всего многообразия человеческих отношений. Только эта деятельность, по убеждению Толстого, и обеспечивает человеку единственное доступное на земле Благо.

Помочь человеку начать движение к Любви, к Добру и призвано Образование, просвещающее, приобщающее к «науке жизни». Образование должно вооружать человека знанием о том, кто он есть, образование должно подсказывать, как ему строить свою жизнь, где черпать силы для преодоления препятствий, беспрестанно встречающихся на жизненном пути. Образование также должно способствовать выработке у человека представлений о том, чего он в этой жизни не должен делать, способности отличать истину от суеверий и предрассудков, умений избегать вредных мыслей и не совершать поступков, вносящих разлад во взаимодействие людей.

Л. Н. Толстой не сомневался в том, что осуществлять такую деятельность под силу только педагогу, который работает над собой, постоянно совершенствуясь. Только такой педагог, говорил Толстой, сумеет повлиять на учащегося, заразить его желанием нравственно самосовершенствоваться. Относительно знаний, транслируемых учащемуся, Толстой заявлял, что единственным критерием для их включения в образовательный процесс является необходимость этих знаний для реализации человеком своей нравственной миссии в конкретной культурно-исторической ситуации. Религиозные и философские, математические и естественно-научные знания должны выполнять, подчеркивал Толстой, лишь одну функцию — обеспечивать ученика необходимой информацией о том, как вносить в этот динамично изменяющийся мир нравственное измерение. Л. Н. Толстой был уверен, что, опираясь в деле воспитания на принцип свободы и выстраивая обучение таким образом, чтобы учащиеся достигли того уровня знаний, «до которых они могут прийти», можно решить базовую задачу образования: выработать у обучающихся соответствующее времени нравственное отношение к жизни.

Таковы взгляды Л. Н. Толстого на образование, призванное укреплять в человеке собственно человеческое. А каковы доминирующие современные педагогические воззрения?

Период, охватывающий XX век и начало XXI столетия, оказался богатым на различные варианты решения проблемы образования. Появились весьма непохожие друг на друга, противостоящие друг другу по своим идейным замыслам концепции образования. Непосредственным поводом, стимулировавшим возникновение множества различных пониманий феномена образования, стала необходимость осмысления кризисной ситуации бытия человека в мире углубляющейся индустриализации, череды войн, социальных и экологических потрясений. В условиях про-

грессирования негативных явлений, постоянно увеличивающегося разрыва в уровнях обеспеченности различных слоев обществ, нарастания демографического неблагополучия и возникновения реальной угрозы деградации человеческого генофонда, расценивания иллюзии о возможности процветания человечества на основе всеобщей грамотности, и главное, — отсутствия сбалансированных представлений о способах изменения сложившейся ситуации, дискуссия об образовании вышла на новый виток. Образование многие участники этой дискуссии стали рассматривать под углом зрения ответственности за создавшуюся в мире ситуацию. Выход из нее начали неизменно связывать с поисками новых подходов к обучению и воспитанию молодого поколения, подходов, позволяющих в условиях углубляющегося глобального кризиса воспитывать культурного, знающего и отвечающего за свое поведение человека. Теоретической основой активно ведущегося диалога выступили феноменология, герменевтика, философская и педагогическая антропология, персонализм, экзистенциализм, неомарксизм, философия языка, структурализм, психоанализ, бихевиоризм, когнитивная психология и ряд других.

Одним из подтверждений того, что проблема все большего «отпадения» человека от своей нравственной сущности вызвала острейшую обеспокоенность в среде ученых, интеллектуалов, людей, думающих о завтрашнем дне, стало проведение в 1998 году в Бостоне XX Всемирного философского конгресса, посвященного вопросам воспитания человека гуманного, способного выстраивать свое бытие не на сугубо индивидуалистических и прагматических основаниях. Большинство участников конгресса были едины в том, что сегодня сфере образования нужна такая «совокупность идей и практик» воспитания, которая в этическом отношении возвысит учащегося и тем самым спасет соскальзывающий в пучину нравственной анонимности и безответственности мир. Общим итогом Всемирного философского конгресса можно считать вывод: сегодня для образования главная ценность «уже не научное знание, а человеческая жизнь и свобода» (Н. С. Автономова). Бытующие в прошлом версии «человека обучающегося» должны уступать место новому пониманию, которое видит в «человеке обучающемся» не только носителя тех или иных научных и утилитарных знаний, но, в первую очередь, существо, обретающее в контексте образования возможность стать личностью, сформировать свое неповторимое и уникальное «Я», приобрести способность понимать себя Другого и нести ответственность за происходящее в мире.

Серьезной помехой для осуществления таких изменений в сфере образования выступает укоренение в современных педагогических теориях постмодернистских установок, и потому остановимся на них чуть более подробно. Выдвинутые постмодернистской мыслью взгляды на власть как инструмент принуждения, на коммуникационный характер знания и на способы его легитимации, на основополагающую роль языка в бытии человека, на несостоятельность классических определений разума и его претензий на объективность познания, на человека как непрерывный поток становления и изменения, на игровую сущность человеческого бытия стали широко использоваться для анализа и осмысления педагогических феноменов.

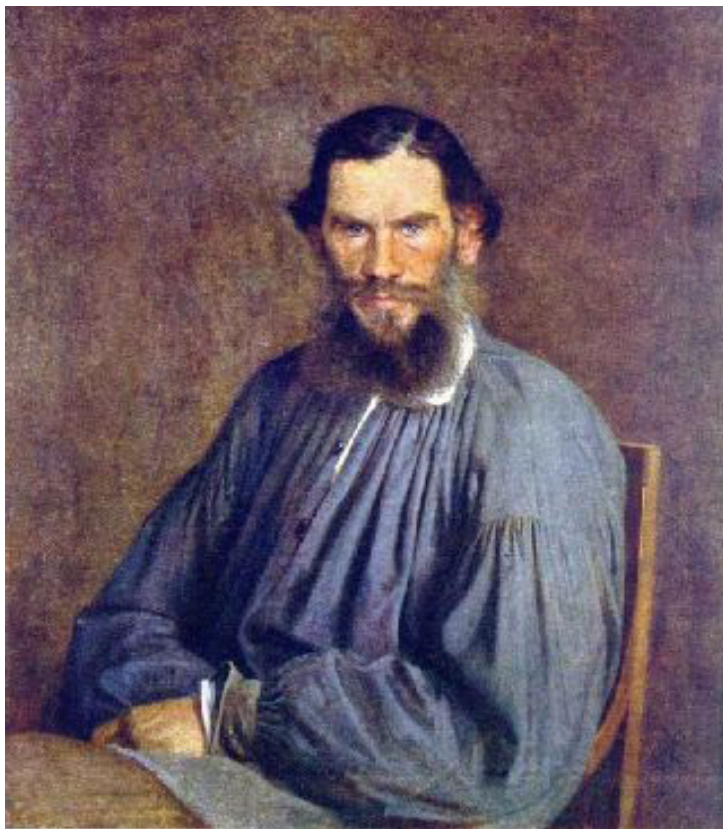
Понятия, заимствованные из трудов постмодернистски ориентированных авторов, прочно заняли место в текстах, посвященных осмыслению реалий образования. В качестве действенных рецептов выхода образования из состояния стагнации предлагается рассматривать педагогику как разновидность искусства, а знание, транслируемое учителем ученику, не как нечто несущее в себе объективность и общезначимость, а как повествование о действительности (нарратив), которое, хотя и является самодостаточным и самоценным, но не претендует на ее однозначное толкование. Образованию также предлагается умерить свои властные амбиции (репрессивность и дисциплинарность) по отношению к ученику. Эстетизация методов преподавания и содержания обучения с помощью «языковых игр» объявляется надежным путем оздоровления образования.

Постмодернистские воззрения отнюдь не всеми теоретиками педагогики последней трети XX — начала XXI века были встречены с симпатией. Постмодернизм был воспринят ими как покушение на устои педагогики, сфокусированной на проблеме становления личности в коммуникационном пространстве мира образования. Неприемлемым для этих теоретиков педагогики выступило постмодернистское понимание человека, которое отвергало наличие в нем устойчивой природы и которое специфику человеческого существования сводило к использованию различных дискурсов и языковых игр. Резко негативное отношение у них вызвало постмодернистское желание дефетишизировать разум и стремление приписать эстетике главную роль в сотворении новой культуры. По мнению этих представителей теоретической педагогики, вызов постмодернизма — это смертельная угроза образованию. Впитывая в себя постмодернистские взгляды, образование, уверены они, вступает на ложный путь. Оно лишается прочного

фундамента, гуманистического начала и теряет возможность осмысленно обучать и воспитывать людей. И поэтому образованию, вступающему на путь, предложенный постмодернизмом, неминуемо ждет гибель, точно так же, как постмодернизмом была провозглашена «смерть человека» после растворения его в структурах языка и дискурсивных практик. Надежным оберегом от такого псевдообразования является, по убеждению противников постмодернизма в педагогике, утверждение в сознании людей понимания, что качество их совместной жизни есть следствие соблюдения нравственных законов. Именно этому в первую очередь и должно, настаивают они, учить настоящее, а не свернувшее с истинного пути, образование. Нетрудно заметить, что в этом пункте мы по существу имеем дело с педагогической позицией Л. Н. Толстого.

Острое идейное противостояние в педагогике между приверженцами постмодернистских взглядов и теми, кто с ними не согласен, кто отстаивает в педагогике тезис о том, что образование должно вооружать обучающихся нравственными истинами и помогать им овладевать непреложными формами нравственного поведения, продолжается. К большому сожалению, современные педагоги-теоретики, доказывающие необходимость развития образования к проблеме нравственного воспитания, редко аргументируют свою позицию доводами, взятыми из педагогического наследия Л. Н. Толстого, мыслителя более ста лет тому назад внятно показавшего, что ждет мир в случае утраты образованием своих нравственных императивов. Есть в этом вина и современных толстоведов, недостаточно настойчиво показывающих и доказывающих, что великое педагогическое наследие Толстого — надежный и мощный инструмент нравственного обновления образования, сосредоточенного на обучении и воспитании знающего, свободного и ответственного, болеющего за судьбы мира человека. Настоящий номер Историко-педагогического журнала в определенной мере восполняет этот пробел, он вносит некоторый вклад в изучении педагогических воззрений Толстого и предоставляет читателю возможность понять и живо почувствовать, насколько актуальны и своевременны мысли Л. Н. Толстого об образовании.

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Есть много слов, не имеющих точного определения, смешиваемых одно с другим, но вместе с тем необходимых для передачи мыслей, — таковы слова: воспитание, образование и даже обучение.

Педагоги никогда не признают различия между образованием и вос-

питанием, а вместе с тем не в состоянии выражать своих мыслей иначе, как употребляя слово: образование, воспитание, обучение или преподавание. Необходимо должны быть отдельные понятия, соответствующие этим словам. Может быть, есть причина, почему мы инстинктивно

не хотим употреблять эти понятия в точном и настоящем их смысле; но понятия эти существуют и имеют право существовать отдельно. В Германии существует ясное подразделение понятий — *Erziehung* (воспитание) и *Unterricht* (преподавание). Признано, что воспитание включает в себя преподавание, что преподавание есть одно из главных средств воспитания, что всякое преподавание носит в себе воспитательный элемент, *erziehliges Element*. Понятие же — образование, *Bildung*, смешивается либо с воспитанием, либо с преподаванием. Немецкое определение, самое общее, будет следующее: воспитание есть образование наилучших людей, согласно с выработанным известной эпохой идеалом человеческого совершенства. Преподавание, вносящее нравственное развитие, есть хотя и не исключительное средство к достижению цели, но одно из главнейших средств к достижению ее, в числе которых, кроме преподавания, есть постановление воспитываемого в известные, выгодные для цели воспитания, условия — дисциплина и насилие (*Zucht*).

Дух человеческий, говорят немцы, должен быть выломан, как тело, гимнастикой (*der Geist muss gezuchtet werden*).

Образование (*Bildung*) в Германии, в обществе и даже иногда в педагогической литературе, как сказано, или смешивается с преподаванием и воспитанием, или признается явлением общественным, до которого нет дела педагогике. Во французском языке я даже не знаю слова, соответствующего понятию — образова-

ние: *education, instruction, civilisation* [выучка, наставление, просвещение (фр.).] совершенно другие понятия. Точно так же и в английском нет слова, соответствующего понятию — образование.

Германские педагоги-практики иногда даже вовсе не признают подразделения воспитания и образования; то и другое сливается в их понятии в одно целое, нераздельное. Беседуя с знаменитым Дистервегом, я навел его на вопрос об образовании, воспитании и преподавании. Дистервег со злою иронией отозвался о людях, подразделяющих то и другое, — в его понятиях то и другие сливается. А вместе с тем мы говорили о воспитании, образовании и преподавании и ясно понимали друг друга. Он сам сказал, что образование носит в себе элемент воспитательный, который заключается в каждом преподавании.

Что же значат эти слова, как они понимаются и как должны быть понимаемы?

Я не буду повторять тех споров и бесед, которые имел с педагогами об этом предмете, ни выписывать из книг тех противоречащих мнений, которые живут в литературе о том же предмете, — это было бы слишком длинно, и каждый, прочтя первую педагогическую статью, может проверить истину моих слов, — а здесь постараюсь объяснить происхождение этих понятий, их различие и причины неясности их понимания.

В понятии педагогов воспитание включает в себя преподавание.

Так называемая наука педагогики занимается только воспитанием и

смотрит на образующегося человека, как на существо, совершенно подчиненное воспитателю. Только через его посредство образующийся получает образовательные или воспитательные впечатления, будут ли эти впечатления книги, рассказы, требования запоминания, художественные или телесные упражнения. Весь внешний мир допускается к воздействию на ученика только настолько, насколько воспитатель находит это удобным. Воспитатель старается окружить своего питомца непроницаемой стеной от влияния мира и только сквозь свою научную школьно-воспитательную воронку пропускает то, что считает полезным. Я не говорю о том, что делалось или делается у так называемых отсталых людей, я не воюю с мельницами, я говорю о том, как понимается и прилагается воспитание у так называемых самых лучших передовых воспитателей. Везде влияние жизни отстранено от забот педагога, везде школа обстроена кругом китайскою стеной книжной мудрости, сквозь которую пропускается жизненное образовательное влияние только настолько, насколько это нравится воспитателям. Влияние жизни не признается. Так смотрит наука педагогика, потому что признает за собой право знать, что нужно для образования наилучшего человека, и считает возможным устранить от воспитанника всякое внес воспитательное влияние; так поступает и практика воспитания.

На основании такого взгляда естественно смешивается воспитание и образование, ибо признается, что не будь воспитания, не было бы и

образования. В последнее же время, когда смутно начала сознаваться потребность свободы образования, лучшие педагоги пришли к убеждению, что преподавание есть единственное средство воспитания, но преподавание принудительное, обязательное, и потому стали смешивать все три понятия — воспитание, образование и обучение.

По понятиям педагога-теоретика, воспитание есть действие одного человека на другого и включает в себя три действия: 1) нравственное или насильственное влияние воспитателя, — образ жизни, наказания, 2) обучение и преподавание и 3) руководство жизненными влияниями на воспитываемого. Ошибка и смешение понятий, по нашему убеждению, происходят оттого, что педагогика принимает своим предметом воспитание, а не образование, и не видит невозможности для воспитателя предвидеть, соизмерить и определить все влияния жизни. Каждый педагог соглашается, что жизнь вносит свое влияние и до школы, и после школы, и, несмотря на все старание устранить ее, и во время школы. Влияние это так сильно, что большею частью уничтожается все влияние школьного воспитания; но педагог видит в этом только недостаточность развития науки и искусства педагогики и все-таки признает своею задачей воспитание людей по известному образцу, а не образование, то есть изучение путей, посредством которых образуются люди, и содействие этому свободному образованию. Я соглашаюсь, что Unterricht, учение, преподавание, есть часть Erziehung,

воспитания, но образование включает в себя то и другое.

Воспитание не есть предмет педагогики, но одно из явлений, на которое педагогика не может не обратить внимания; предметом же педагогики должно и может быть только образование. Образование в обширном смысле, по нашему убеждению, составляет совокупность всех тех влияний, которые развивают человека, дают ему более обширное мирозерцание, дают ему новые сведения. Детские игры, страдания, наказания родителей, книги, работы, учение насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь — все образует.

Образование вообще понимается или как следствие всех тех влияний, которые жизнь оказывает на человека (в смысле «образование человека» мы говорим — образованный человек), или как самое влияние на человека всех жизненных условий (в смысле «образование немца, русского мужика, барина», мы говорим — человек получил плохое образование или хорошее и т. п.). Только с этим последним мы имеем дело.

Воспитание есть воздействие одного человека на другого с целью заставить воспитываемого усвоить известные нравственные привычки. (Мы говорим — «они его воспитали лицемером, разбойником или добрым человеком». «Спартак воспитывали мужественных людей...») Преподавание есть передача сведений одного человека другому (преподавать можно шахматную игру, историю, сапожное мастерство). Учение — оттенок преподавания, есть воз-

действие одного человека на другого с целью заставить ученика усвоить известные физические привычки (учить петь, плотничать, танцевать, грести веслами, говорить наизусть). Преподавание и учение суть средства образования, когда они свободны, и средства воспитания, когда учение насильственно и когда преподавание исключительно, то есть преподаются только те предметы, которые воспитатель считает нужными. Истина ясна и инстинктивно сказывается каждому. Сколько бы мы ни старались сливать раздельное и подразделять неразделимое и подделывать мысль под порядок существующих вещей — истина очевидна.

Воспитание есть принудительное, насильственное воздействие одного лица на другое с целью образовать такого человека, который нам кажется хорошим; а образование есть свободное отношение людей, имеющее своим основанием потребность одного приобретать сведения, а другого — сообщать уже приобретенное им. Преподавание, Unterricht, есть средство как образования, так и воспитания. Различие воспитания от образования только в насилии, право на которое признает за собою воспитание. Воспитание есть образование насильственное. Образование свободно.

Воспитание — французское education, английское education, немецкое Erziehung — понятия, существующие в Европе, образование же есть понятие, существующее только в России и отчасти в Германии, где имеется почти соответствующее слово — Bildung. Во Франции же и Англии

это понятие и слово вовсе не существует. Civilisation есть просвещение, instruction есть понятие европейское, неперебиваемое по-русски, означающее богатство школьных научных сведений или передачу их, но не есть образование, включающее в себя и научные знания, и искусства, и физическое развитие.

Я говорил в 1-м No «Ясной Поляны» о праве насилия в деле образования и старался доказать, что, во 1-х, насилие невозможно, во 2-х, не приводит ни к каким результатам или

к печальному, в 3-х, что насилие это не может иметь другого основания, кроме произвола (черкес учит воровать, магометанин убивать неверных). Воспитания, как предмета науки, нет. Воспитание есть возведенное в принцип стремление к нравственному деспотизму. Воспитание есть, я не скажу выражение дурной стороны человеческой природы, но явление, доказывающее неразвитость человеческой мысли и потому не могущее быть положенным основанием разумной человеческой деятельности — науки*.

* Толстой Л. Н. Воспитание и образование // Л. Н. Толстой. Педагогические сочинения. – М. : Педагогика, 1989. – Общее кол-во страниц? - С. 205–209.

О ВОСПИТАНИИ*

(Ответ на письмо В. Ф. Булгакова)

Очень может быть, что в моих статьях о воспитании и образовании, давнишних и последних, окажутся и противоречия, и неясности. Я просмотрел их и решил, что мне, да и вам, я думаю, будет легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю об этих предметах.

Это для меня будет тем легче, что в последнее время эти самые предметы занимали меня.

Во-первых, скажу, что то разделение, которое я в своих тогдашних педагогических статьях делал между воспитанием и образованием, — искусственно. И воспитание, и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно. И потому, не касаясь этого подразделения, буду говорить об одном образовании, о том, в чем, по моему мнению, заключаются недостатки существующих приемов образования, и каким оно, по моему мнению, должно быть, и почему именно таким, а не иным.

То, что свобода есть необходимое условие всякого истинного образования как для учащихся, так и для учащихся, я признаю, как и прежде, т. е. что угрозы наказаний и обещания наград (прав и т. п.), обуславливающие приобретение тех или иных знаний, не только не содействуют, но более всего мешают истинному образованию.

Думаю, что уже одна такая полная свобода, т. е. отсутствие принуждения и выгод как для обучаемых, так и для обучающихся, избавило бы людей от

большой доли тех зол, которые производит теперь принятое везде принудительное и корыстное образование. Отсутствие у большинства людей нашего времени какого бы то ни было религиозного отношения к миру, каких либо твердых нравственных правил, ложный взгляд на науку, на общественное устройство, в особенности, на религию, и все вытекающие из этого губительные последствия, — все это порождено в большой степени насильственными и корыстными приемами образования.

И потому, для того чтобы образование было плодотворно, т. е. содействовало бы движению человечества к все большему и большему благу, нужно, чтобы образование было свободно. Для того же, чтобы образование, будучи свободно как для учащихся, так и для учащихся, не было собранием произвольно выбранных, ненужных, несвоевременно передаваемых и даже вредных знаний, нужно, чтобы у обучающихся, так же, как и у обучаемых, было общее и тем, и другим основание, вследствие которого избирались бы для изучения и для преподавания наиболее нужные для разумной жизни людей знания и изучались бы, и преподавались бы в соответственных их важности размерах. Таким основанием всегда было и не может быть не что иное, как одинаково свободно признаваемое всеми людьми общества как обучающими, так и обучающимися, понимание смысла и значения человеческой жизни, т. е. религии...²

* Толстой Л. Н. О воспитании // Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. — М. : Педагогика, 1989. — С. 451–452. (С. 451–457)

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ*

(из писем и дневников 1895–1902 гг.)

О воспитании я думал очень много. Бывают вопросы, в которых приходишь к выводам сомнительным, и бывают вопросы, в которых выводы, к которым пришел, окончательные, и чувствуешь себя не в состоянии ни изменить их, ни прибавить к ним что-либо. Таковы выводы, к которым я пришел, о воспитании, они следующие.

Воспитание представляется сложным и трудным делом только до тех пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать детей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать других мы можем только через себя, то упраздняется вопрос о воспитании и остается один вопрос жизни: как надо самому жить? Потому что не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не включалось бы в воспитание себя. Точно так же, как себя. Если отец, мать одеваются, едят, спят умеренно и работают и учатся, то дети будут то же делать.

Два правила я бы дал для воспитания: самому не только жить хорошо, но и работать над собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать из своей жизни от детей. Лучше, чтобы дети знали про слабые стороны своих родителей, чем то, чтобы они чувствовали, что есть у их родителей скрытая от них жизнь и есть показная. Все трудности воспитания вытекают из того, что родители, не только не исправляясь от своих недостатков, но

и даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть этих недостатков в детях. В этом вся трудность и борьба с детьми. Дети нравственно гораздо пронизательнее взрослых, и они, часто не выказывая и даже не сознавая этого, видят не только недостатки родителей, но и худший из всех недостатков — лицемерие родителей, и теряют к ним уважение и интерес ко всем их поучениям...

Лицемерие родителей при воспитании детей есть самое обычное явление, и дети чутки и замечают его сейчас же, и отвращаются, развращаются. Правда есть первое, главное условие действительности духовного слияния, и потому она есть первое условие воспитания. А чтобы не страшно было показать детям всю правду своей жизни, надо сделать свою жизнь хорошей или, по крайней мере, менее дурной. И потому воспитание других включает в воспитание себя, и другого ничего не нужно.

Оба вопроса о воспитании и об отношении к людям сводятся в один вопрос, именно в последний: как относиться к людям не на словах только, а на деле. Если этот вопрос решен и жизнь отца идет по такому или другому решению, то в этой жизни отца и будет все воспитание детей. А если решение правильно, то отец и не введет соблазна в жизнь детей; если же нет, то будет обратное. Знание же,

³ Толстой Л. Н. О задачах педагогики // Л. Н. Толстой. Педагогические сочинения. — М. : Педагогика, 1989. — С. 448–451.

которое приобретут и не приобретут дети, — это дело второстепенное и ни в коем случае не важное. К чему будут способности у ребенка, тому он научится, хотя бы жил в захолустье.

Родители, живя развратно, не-воздержанно в пище, праздно — в неуважении к людям — жизнью, всегда требуют от детей воздержания, деятельности, уважения к людям. Но язык жизни, примера далеко слышен и виден и ясен и большим, и малым, и своим, и иногородцам.

Ведь дело в том, что, выгодно ли, невыгодно ли для внешнего успеха дела любовные (ненасильственное обращение с учениками), вы не можете обращаться иначе. Одно, что можно сказать наверное, — это то, что добро будит добро в сердцах людей и, наверное, производит это действие, хотя оно и не видно.

Одна такая драма, что вы увидите от учеников, заплачете (если они узнают), — одна такая драма оставит в сердцах учеников большие, очень важные следы, чем сотни уроков.

Человек всякий живет только затем, чтобы проявить свою индивидуальность.

Воспитание (современное) стирает ее.

Ужасно смотреть на то, что богатые люди делают со своими детьми.

Когда он молод и глуп и страстен, его втянут в жизнь, которая ведется на шее других людей, приучат к этой жизни; а потом, когда он связан по рукам и по ногам соблазнами, не может жить иначе, как требуя для себя труда других, тогда откроют ему глаза (сами собой откроются глаза), и выбирай-

ся, как знаешь: или стань мучеником, отказавшись от того, к чему привык и без чего не можешь жить, или будь лгуном.

Стоит заняться воспитанием, чтобы увидеть все свои прорехи. А увидав, начинаешь исправлять их. А исправлять самого себя и есть наилучшее средство воспитания своих и чужих детей и больших людей.

Воспитание есть последствие жизни. Обыкновенно предполагается, что люди известного поколения знают, какими должны быть люди вообще, и потому могут их готовить к такому состоянию. Это совершенно несправедливо: люди, во-первых, не знают, какими должны быть люди, — могут в лучшем случае знать только идеал, к которому им свойственно стремиться; во-вторых, люди, воспитывающие сами, никогда не готовы, не воспитанны, а сами, если они не мертвы, движутся и воспитываются.

И потому все воспитание сводится к тому, чтобы самому жить хорошо, т. е. самому двигаться, воспитываться: только этим люди влияют на других, воспитывают их, и тем более на детей, с которыми они связаны.

Быть правдивым и честным с детьми, не скрывая от них того, что происходит в душе, есть единственное воспитание.

Педагогика же есть наука о том, каким образом, живя дурно, можно иметь хорошее влияние на детей, вроде того, что есть наша медицина — как, живя противно законам природы, все-таки быть здоровыми. Науки хитрые и пустые, никогда не достигающие своей цели.

РОЛЬ ПРИМЕРА И ПОДРАЖАНИЯ В ВОСПИТАНИИ*

Воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем. Воздействовать же на сердце можно только гипнотизацией, которой так подлежат дети, — гипнотизацией, заразительностью примера. Ребенок увидит, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю других делать то, что сам могу сделать, что я потворствую своей жадности, похотям, что я избегаю труда для других и ищу только удовольствия, что я горжусь и тщеславлюсь своим положением, говорю про других злое, говорю за глаза не то, что говорю в глаза, притворяюсь, что верю тому, во что не верю, и тысячи, тысячи таких поступков или поступков обратных: кротости, смирения, трудолюбия, самопожертвования, воздержания, правдивости, — и заражается тем или другим во сто раз сильнее, чем самыми красноречивыми и разумными поучениями. И потому все или 0,999 воспитания сводится к примеру, к исправлению и совершенствованию своей жизни.

Так что то, с чего вы начали внутри себя, когда мечтали об идеале, т. е. о добре, достижении которого несомненно только в себе, к тому самому вы приведены теперь при воспитании детей извне. То, чего мы хотели для себя, хорошенько не зная зачем, то теперь вам уже необходимо для того, чтобы не развратить детей.

От воспитания обыкновенно требуют и слишком много, и слишком

мало. Требовать того, чтобы воспитываемые выучились тому-то и тому-то, образовались, как мы разумеем образование, — это невозможно; так же невозможно и то, чтобы они сделались нравственными, как мы разумеем это слово. Но совершенно возможно то, чтобы не быть самому участником в развращении детей (и в этом не может помешать ни жене муж, ни мужу жена), а всею своею жизнью, по мере сил своих, воздействовать на них, заражая их примером добра.

Я думаю, что не только трудно, но невозможно хорошо воспитать детей, если сам дурен, и что воспитание детей есть только самосовершенствование, которому ничто не помогает, как дети. Как смешны требования людей, курящих, пьющих, объедающихся, не работающих и превращающих ночь в день, о том, чтобы доктор сделал их здоровыми, несмотря на их нездоровый образ жизни, так же смешны требования людей научить их, как, продолжая вести жизнь ненравственную, можно было бы дать нравственное воспитание детям. Все воспитание состоит в большем и большем сознании своих ошибок и исправлении себя от них. А это может сделать всякий и во всех возможных условиях жизни. И это же есть и самое могущественное орудие, данное человеку для воздействия на других людей, в том числе и на своих детей, которые всегда невольно ближе всего к нам.

* Толстой Л. Н. Роль примера и подражания в воспитании // Л. Н. Толстой. Педагогические сочинения. Изд. 2-е доп. — М.: Учпедгиз, 1953. — 444 с. — С. 402–403. (в книге 444 с.)

О ЗАДАЧАХ ПЕДАГОГИИ* (выдержки из статьи)

История педагогики — двоякая. Человек развивается сам под бессознательным влиянием людей и всего существующего, и человек развивается под сознательным влиянием других людей. Под историей педагогики разумеют одно сознательное развитие. Первая же, несуществующая история педагогики была бы более поучительна: как более и более непосредственно учился человек из жизни, которая более и более становилась поучительна. Как независимо от сознательной педагогики, иногда под ее влиянием, иногда противоположно, иногда совершенно независимо, продвигалось образование, а сама бессознательная педагогика, как более и более с раз-

личием образования, с быстротой сообщения, с развитием книгопечатания, с переменой образа правлений государственных и церковных, более и более поучительны становились люди — являлись новые средства поучения. Эта новая история педагогики должна явиться и лечь в основание всей педагогики. В этой науке должно быть показано, как учился говорить человек 1000 лет тому назад и как учится теперь, как он учился называть вещи, как он учился различным языкам, как он учился ремеслам, как он учился этике; как он учился различию сословий и обращению с ними, как он учился думать и выражать свои мысли.

<...> Величайший абстрактный

* Толстой Л. Н. О задачах педагогики // Л. Н. Толстой. Педагогические сочинения. — М. : Педагогика, 1989. — С. 37–38.

философ не даст мне 1/1000 доли тех оснований, которые я найду в приемах дедов, отцов, матерей, старших сестер, братьев, соседей. И не потому я найду их у мужиков, а не у философа, что мужик умнее философа, но потому, что отношения ребенка к педагогической деятельности жизни совершенно свободны, и из бесчисленного множества действий только те принимают педагогический характер, которые свойственны восприятию ребенка, и действия и приемы эти веками действуют одинаково неотразимо на поколения. Действуют всесторонне, как сама жизнь. Педагогия сосредоточивается здесь не так, как в сознательной — на одних приемах, — здесь такие же важные силы: жилище, достаток, пища, работы, домашние животные и т. д. В педагогическом отношении это не есть случайность, что царь воспитывается во дворце, всегда с людьми, а мужик в избе, часто один, когда родители на работе. Наилучший царь не может быть иначе воспитан, как в толпе, наилучший мужик не иначе, как в одиночестве и в курной избе, которая сильнее заставляет его любить поле. (В каждом жизненном условии развития есть педагогическая целесообразность, и отыскать ее есть задача этой истории педагогики. Эта история педагогики разъяснила бы много кажущихся трудностей. Говорят, главная трудность образования мужицкого сословия есть необходимость детской работы. История педагогики доказала бы, что детская работа есть, напротив, первое условие образования крестьянина и т. п. Только история педагогики

может дать положительные данные для самой науки педагогики. История же педагогики в тесном смысле понимания, так как она до сих пор понимается, может дать только отрицательные основания. Эта история педагогики, которую я назову скорее историей образовательных теорий воспитания, есть история стремлений человеческого ума от идеи образования идеального человека к образованию известного человека. Этот ход можно проследить со времени возобновления наук через Лютера, Бако, Руссо, Комениуса, Песталоцци до новейшего времени. После классического образования требуется известное религиозное, и орудием делается мышление, после религиозного требуется отечественное и реальное, и исключительно орудием делается воображение.

Насильственное внедрение образования уступает место свободному предоставлению. Но педагогия остается верной своей истории и продолжает хотеть быть наукой самостоятельной, системой образования, приложимой везде и всегда, наукой отвлеченной, философской, а не исторической и опытной. Педагогия все еще хочет быть теорией, все еще хочет образовывать человека, все носитися еще с идеалами, все еще не хочет снизойти или подняться на степень науки опытной, только изучением законов своего объекта получающей знание вредных и полезных условий образования. Задачей педагогики было образование наилучшего человека, и сообразно знанию его, удовлетворение его потребностей образования.